

Вступление

«Во мгле мутной и желтоватой»

Начнем с желтого платья. Этому цвету как-то особенно не повезло у Пушкина. В него Александр Сергеевич наряжал наименее симпатичных персонажей. Старухе-графине из «Пиковой дамы» после бала горничные помогают снять желтый туалет. Другая Старуха-покойница в «Гробовщике» «лежала на столе, желтая как воск, но еще не обезображенная тлением». Звездочет и «скопец», весь «как лебедь поседелый», дарит Золотого петушка. За желтым платьем хотят послать к придворной повивальной бабке в «Капитанской дочке», когда Марию Ивановну велено доставить во дворец к Екатерине II...

Уже из этого далеко не полного перечисления¹ видно, что желтое маркирует для Пушкина старость, в том числе и историческую. А также царскую власть, если осознать, что в понятие желтого входит и золото — от жаркого в венце до тусклого: Медный всадник преследует Евгения, «озарен луною бледной». Даже вьюга, из которой выныривает Германн, имеет оттенок желтизны, поскольку герой отходит от светящегося в темноте фонаря. В повести «Метель» сказано: «...окрестности исчезли; во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу». Метель же с вьющимся, как бесы, снегом часто имеет inferнальный смысл: «...все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. <...> ...ветер дул навстречу, как будто сиюсь остановить молодую преступницу».

Одновременно желтое и цвет безумия — таковы не просто стены петербургских особняков пушкинского времени, создающие декорацию для перевернутого мира «Пиковой дамы». Таков в тот момент Зимний дворец, привычный нам в зеленом, растреллиевском варианте. Такова Петропавловская крепость. Такова и Обуховская больница — «желтый дом», упоминаемый и в стихах, и в прозе Пушкина. Все вместе поведет к царственному помешательству, которое уже дважды — в 1762 и 1801 годах служило поводом для государственных переворотов...

Это заставляет рассматривать исторический пласт «Пиковой дамы» очень внимательно. Являясь историком, автор не может вторгаться в сугубо литературоведческие сферы. Однако существует целый букет ассоциаций прошлого, понятных тогдашнему читателю и ускользающих от нашего современника. Возвращение таких сведений в круг изучаемой информации способно помочь исследованию повести.

Около двух десятилетий назад появилась статья, в которой мы настаивали на том, что основными прототипами героев «Пиковой дамы» были Екатерина II и Николай I². За прошедшие годы возникли новые доказательства, а сама концепция претерпела серьезные изменения, включив в веер рассмотренных возможностей десятки имен. Ныне нити расследования уводят к Петру I, Павлу I и Александру I, к императрицам Елизавете Алексеевне и Александре Федоровне. Под лупой непрошеного внимания оказываются пушкинские светские знакомые — дружное семейство Хитрово — Тизенгаузен — Фикельмон. А знаменитые властные старухи того времени — Голицына и Загряжская — становятся не более чем прототипами прикрытия.

Чтобы та или иная параллель с текстом повести стала очевидна, иногда приходится углубиться в детали биографий героев. Обнаруживается длинный список дам-иностранок, поделившихся с графиней Анной Федотовной Томской той или иной чертой своей личности. Это и неаполитанская королева Мария Каролина, и ее несчастная сестра, казненная Мария Антуанетта, и мать канцлера Клеменса фон Меттерниха, являвшаяся в виде призрака своей беременной невестке... И шведская баронесса Брита де Бём из пушкинского эпиграфа к пятой главе, сведшая с ума духовидца Эммануила Сведенборга.

Менее всего нам хотелось бы внушить читателю мысль, будто Пушкин бесконечно шифровал свои тексты в надежде на талантливую отгадчика. Такая логика обесценивает реально существующие произведения, а именно они и пленяют читателей. Но в сознании поэта роилось такое количество аналогий, что в настоящий момент риск неверно соединить их выше, чем риск обнаружить нечто, чего в пушкинском мире не существовало.

С лица Пиковой дамы следует снимать маску за маской, пока под дряблой желтой кожей не откроется лицо молодой красавицы в желтом платье.

Часть первая
«СТАРУШКА МИРНАЯ»

Глава первая

«НЕНАСТНЫЕ ДНИ»

Принято считать, что в «Пиковой даме» два потока времени. Они заметны невооруженным глазом и хорошо знакомы читателю. То, что было «до», во времена молодости графини, когда она ездила в Париж и познакомилась с Сен-Жерменом. И то, что происходит «сейчас», на наших глазах, когда Германн пытается выведать у старухи ее три «верные карты». Но «пусть потрудятся сами читатели»³, как призывал Федор Михайлович Достоевский.

Если приглядеться, то каждый из названных потоков слонится, разбивается, как река, на рукава.

«В забавном расположении духа»

Это расслоение, пребывающее внутри себя в хрупкой гармонии, заложено уже эпиграфом к первой главе «Пиковой дамы», вернее его подслоем.

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.

Только ленивый и неосведомленный не вспомнил агитационных песен декабристов. Однако в советское время

намеренная «лень» культивировалась. Она была формой искусственного незамечания, натужного зажмуривания глаз на очевидное. То, о чем все знали. Однако говорить, иначе чем в своем кругу, не решались. Печать молчания сломал Натан Яковлевич Эйдельман, обратив внимание читателей на то, что «строчки “А в ненастные дни...” были частью сверхкрамольного агитационного декабристского стихотворения... это настолько очевидно, что в конце прошлого и начале нынешнего века специалисты готовы были допустить: ...что все опасные куплеты написал Пушкин»⁴.

Оба текста даже печатались одно время как единое стихотворение. Эпиграф написан в качестве продолжения песни⁵. Заглянем в ее начало.

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней —
Горе!

Но Господь, русский Бог
Бедным людям помог
Вскоре⁶.

К агитационной песне осталась отсылка в тексте «Пиковой дамы». Во второй главе Томский предлагает прислать бабушке-графине «русские романы». Анна Федотовна просит «такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери...». Слово «давил» является маркером и отмечает связь с не приведенными

в эпитафии, но подразумеваемыми стихами из недавнего прошлого. Словно читателю говорят: да-да, вы правильно догадались.

Стихи агитационной песни были написаны как бы в складчину поэтами-декабристами, известными литераторами того времени, друзьями Александром Александровичем Бестужевым и Кондратием Федоровичем Рылеевым. Первый показал на следствии, что «однажды в 1822 году, в конце, в забавном расположении духа, пригласил он (Рылеев. — О. Е.) меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню “Ах скучно мне...” написали мы вместе, а некоторые подблюдные я один»⁷.

Уж вы вейте веревки на барские головки;
Вы готовьте ножей на сиятельных князей;
И на место фонарей поразвешаем царей...

Куда забавнее? Популярная в то время песня Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого начиналась словами: «Ох, тошно мне / На чужой стороне». У Бестужева с Рылеевым звучала обратная мысль:

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,
В тяжелой доле,
Видно, век вековать?
.....

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!

Из переписки поэта видно, что и эти строки, и песню про заветные «...острова, / Где растет трын-трава» Пушкин хорошо знал. «Ты, который не на привязи, — писал он Петру Андреевичу Вяземскому 27 мая 1826 года из Михайловского, где находился в ссылке, — как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне *свободу*, то я месяца не останусь»⁸. Настроение было общим. Хотя действия разными.

Признание Бестужева показывает, что Пушкин не сочинял ни агитационных, ни подблюдных песен. Но в дни следствия очень боялся, что его стихи сочтут крамольными и привлекут

Александр Сергеевич Пушкин. *И. Е. Вивьен. 1826 г.*

Содержание

Вступление. «Во мгле мутной и желтоватой» 5

Часть первая «**СТАРУШКА МИРНАЯ**»

Глава первая. «Ненастные дни» 8

Глава вторая. Виды «тайной недоброжелательности» 25

Глава третья. «И входит незнакомый странник»..... 49

Глава четвертая. Метаморфозы мадам д'Юрфе 75

Глава пятая. «Усатая фея» 99

Глава шестая. «Запертые двери» 123

Часть вторая «**ЛИЦО БЕЗ КРАСОК**»

Глава седьмая. «Домашняя мученица» 148

Глава восьмая. «Разоблаченная» Психея 163

Глава девятая. «Письма по четыре страницы» 181

Глава десятая. «Ваша дама убита» 198

Часть третья «**КОЛОССАЛЬНОЕ ЛИЦО**»

Глава одиннадцатая. «Оставь герою...» имя 222

Глава двенадцатая. «Необузданное воображение» 243

Глава тринадцатая. «Слезы всех невинных» 267

Глава четырнадцатая. «Ремесло властелинов»	288
Глава пятнадцатая. «Палец с руки Петра Великого»	317
Заключение. «Две неподвижные идеи»	348
Примечания	373
Литература	397